

ЗАРОЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ ЭСТОНСКОГО НАРОДА

Иванов Антон

Аспирант, Санкт-Петербургский государственный
университет
anton.iwanow@gmail.com

THE ORIGIN OF THE NATIONAL IDENTITY OF THE ESTONIAN PEOPLE

A. Ivanov

Summary. The article deals with the emergence of the national identity of the Estonian people in the 19th century. The Estonians' identity was not political, but cultural, and was built, first of all, on the ethnolinguistic aspect. Among the events that were the basis of national awakening were: The Great French Revolution, the abolition of serfdom by the Russian Tsar Alexander I, the abolition of corvee, and the process of Russification — distance from the Baltic Germans. Ethnic proximity with the Finns gave birth to the Kalevipoeg epic, which became the root literary work in Estonian culture. The dominance of the Baltic Germans on the territory of Estonia and Livonia created the Estonian singing festival, a festival that is still considered one of the main manifestations of national culture. The tasks of the elite were to develop not only a national culture, but also education. The Estonian Alexander School was opened with charity money in 1871, the Society of Estonian Writers was founded, where they studied the development of the Estonian language, collected folklore, and published literature in Estonian. In 1870, theatrical performance took place for the first time in the Vanemuine song and theater society, which subsequently gave rise to the Estonian national theater.

Keywords: nationalism, national identity, Estonians, Estonian people, Kalevipoeg epic, Estonian singing festival, the abolition of serfdom, Estonia, Livonia, nation..

Аннотация. В статье рассматривается зарождение национального самосознания эстонского народа в XIX веке. Самосознание эстонцев носило не политический, а культурный характер и строилось, в первую очередь, на этническо-лингвистическом аспекте. Среди событий, которые были в основе национального пробуждения стали: Великая французская революция, отмена крепостного права российским царем Александром I, отмена барщины, а также процесс русификации — дистанцирование от прибалтийских немцев. Этническая близость с финнами породила эпос «Калевипоэг», который стал корневым литературным произведением в эстонской культуре. Господство балтийских немцев на территории Эстляндии и Лифляндии породило Эстонский певческий праздник, фестиваль, который до сих пор считается одним из главных проявлением национальной культуры. В задачи элиты входило разработать не только национальную культуру, но также образование. На благотворительные деньги в 1871 году открылась Эстонская Александровская школа, было основано Общество эстонских литераторов, где изучали развитие эстонского языка, занимались сбором фольклора, изданием литературы на эстонском языке. В 1870 году впервые прошло театральное представление в певческо-театральном обществе «Ванемуйне», что в последствие зародило эстонский национальный театр.

Ключевые слова: национализм, национальное самосознание, эстонцы, эстонский народ, эпос «Калевипоэг», Эстонский певческий праздник, отмена крепостного права, Эстляндия, Лифляндия, нация.

Национальное самосознание нации является одной из важных частей сознания нации, являясь важным аспектом в формировании и прогрессе национальных отношений. Еще Платон фиксировал: «Познание Бога происходит через самого себя.[1, с. 190] Понятие самосознание также было рассмотрено немецким философом Г. Гегелем в работе «Феноменология духа и логики», где идет речь о взаимопроникаемости субъекта и сознания: «Как самосознание „Я“ созерцает само себя, и выражением его в его чистоте является Я = Я, или Я есть Я».[2, с. 672]

Сознание стремится к отделению субъектом самого себя в какой-либо динамичности в отношении мира. Вместе с определенным суждением своего потенциала, касательно самого себя, сознание создает ту уникальность человека, которая и есть самосознание.

Самосознание — это исторически активное формирование, проявленное на различных уровнях и формах.

Самосознание выражается тогда, когда окружающие человека события принуждают его выйти за границы своих рассуждений и начать рассматривать свое общественное положение и социальные качества с другой стороны. В конце концов, индивид переходит на сторону другого субъекта, одновременно различая и отождествляя себя с ним.

Такое высокое отношение в различных исторических требованиях начинает быть массовым, но непредвиденным частным феноменом. Это возвышенный уровень самосознания, когда индивид понимает свою присущность к определенной культуре или социальной группе. Важной ступенью такого самосознания является национальное самосознание.

Одной из важных причин, которая влияет на нарастание национального самосознания, становится причина внешнего влияния, если это грозит опасностью жизни нации.

Ответ на проявление извне является признаком воссоздания нации в политической и культурной сферах. Этот процесс зарождается в среде элит или политических групп, затем присоединяются массы. Национальное самосознание — это социальный акт, результатом которого является рождение или возрождение национального сознания.

Национальное самосознание — это осознание социального и исторического единения нации, усвоение ее культуры и истории, при этом пребывание в действительном социальном и культурном моментах, в сравнении с остальными нациями, а также прогнозирование будущего.

Национальное самосознание — это практическое, активное состояние нации, ее готовность обрести свое собственное место в мировой истории и осознать роль, которую она сыграла в развитии и становлении мировой культуры. В широком смысле национальное самосознание — это осмысление нацией своей прошлой истории, своих истоков, вклада в мировую культуру, это основа ее настоящего социально-культурного ренессанса.[3, С. 155]

Смит: «Национализм — идеологическое движение за достижение и сохранение автономии, единства и идентичности от имени населения, которое, по мнению некоторых его членов, составляет фактическую или потенциальную нацию».[4, р. 73]

Начальным этапом формирования национальной культуры выступают, как правило, не этносы, а элита общества — художники, музыканты, писатели ученые и так далее. По следам их творчества происходит развитие государств в духовном и политическом аспектах. Поскольку развитием занимается элитарное сообщество, народ воспринимает национальную культуру далеко не сразу, так как в ней находится отпечаток элитарности. Культура, созданная элитой, остается непонятой исключительно по той причине, что имеет отпечаток элитарности. Несмотря на то, что создатели национальной культуры, будучи сами народом, черпают вдохновение из этнической культуры. Однако, разница между национальной и этнической культурами сильна.

Как и у других народов Восточной Европы, которые не обладали своей государственностью, у эстонцев впервые произошло национальное пробуждение в XIX веке. Время, которое эстонцы называют *Ärkamisaeg*.

В первую очередь, влияние Великой французской революции, передало эстонцам это чувство национально-го пробуждения. Зарождение элиты и среднего класса, которые составляли теперь и эстонцы, в числе государ-

ственных служащих, ремесленников, торговцев, священников, дало бывшим крестьянам возможность создавать национальную общность, несмотря на централизованную российскую власть.

В первоначальные цели эстонского народа не входила политическая независимость, а признание, равенство и автономия в рамках российской империи. Поэтому термин национализм не подходит для определения истоков национального строительства в Эстонии. Термин «национальное пробуждение» или «национальное самопознание» предложен для использования положения Эстонии во второй половине XIX века. «Это тот период, когда эстонские крестьяне начали проявлять себя сначала в социальном и культурном, затем в экономическом и политическом аспектах, в первую очередь, отделяя себя от балтийских немцев, которые долгое время господствовали на территории нынешней Эстонии и Латвии в период царского правления Российской империи».[5, р. 63]

Социальная и культурная революции, произошедшие в середине XIX века, имели знаковое значение для реализации изменений, которые дали бы возможность эстонскому народу функционировать в соответствии со своей самобытностью и заложить процесс самоопределения. Идентифицируя себя как отдельную этническую общность в Российской империи, эстонский народ многое использовал из своего общего исторического прошлого. Однако разность языков и обычаев положило успешную основу в создании этнически обоснованной эстонской нации.[6, р. 29]

Используя определение Смита: «Этнос — это социальная группа, члены которой имеют общее название и миф о происхождении, делятся историческими воспоминаниями и различными элементами культуры. У группы происходит идентичная ассоциация с определением «родина», чувством коллективной уникальности от других и солидарности по отношению к другим этническим группам».[4, р. 21]

На примере эстонского языка, можно будет проследить, как определение Смита демонстрирует консолидацию эстонского народа как этнической общности, а также как это связано с национальным пробуждением в XIX веке, что предопределило в будущем создание эстонской нации.

Кемилайнен указывает на то, что «угнетение — это основная причина развития национальных отношений. В эстонском случае, угнетение было центральным фактором на протяжении всей истории. Этот фактор можно разбирать как причину, приводящую к возникновению национального пробуждения».[5, р. 63]

Первым фактором, который повлиял на пробуждение национального самосознания, было освобождение от крепостного права в период между 1816–1819 годов. Вторым, — процесс русификации, который начался в 1880-х годах.

В начале XIX века эстонцы еще не ощущали себя нацией. Термин «*maarahvas*» или «народ земли» использовался для обозначения всех тех, кто не был балтийским немцем.[7, р. 24] Решение царя Александра I освободить крепостных крестьян в 1916 году в Эстляндии и в 1819 году в Лифляндии, впервые позволило обладать личной свободой.[5, р. 288]

Впервые о зарождении национального самосознания эстонцев речь пошла во второй половине XIX века, с переходом от аграрного к индустриальному обществу. Война 1812 года также оказала большое влияние на процесс самосознания эстонцев. В 1816–1819 годах произошло освобождение эстонских крестьян от крепостной зависимости. 23 мая 1816 года император Александр I утвердил законопроект, который освободил крестьян от крепостничества, однако, земля оставалась у помещиков, что ухудшило положение крестьян.[8, р. 212] Теперь эстонские крестьяне были свободны, но у них было трудное экономическое положение, ввиду отсутствия земли. Поэтому многие регионы в России еще долгое время не освобождали крестьян, так как это влекло за собой их сложное экономическое положение. Впервые в это время эстонские крестьяне получили свободу.

Хиден и Сэлмон отмечают, «несмотря на то, что балтийские немцы сделали достаточно для подавления прав и возможностей „народа земли“, вместе с тем, они создали культурную и экономическую основу для пробуждения национального самосознания в XVIII и начале XIX веков».[9, р. 16] Для крестьян Эстонии это означало освобождение, которое предоставляло им право на более свободное передвижение, однако не изменило закон о собственности на землю. «Народ земли» оставался экономически поработанным землевладельцами — балтийскими немцами.[5, р. 288] Несмотря на то, что «народ земли» должен был продолжать работать на балтийских немцев, эмансипация позволила некоторым из крестьян заняться образованием своего этноса. Это уже готовило почву для того, чтобы «народ земли» был не просто земледельцами, а стал нацией со своим языком и своей культурой.

Александр II в 1861 году своим манифестом отменил в России крепостное право, причиной послужил упадок крепостнической системы. В 1863 году эстонские крестьяне впервые получили документы, удостоверяющие их личность, что позволило им передвигаться по другим губерниям Российской империи. В 1868 году

отменили барщину, которая заставляла крестьян работать на помещиков за плату использования земли, а в законе 1866 года о волостной общине, крестьянское самоуправление освободилось от власти помещиков и предоставило большие возможности в общественных и экономических делах.

В 60-е годы XIX столетия крестьяне стали выкупать хутора по рыночным ценам. Цены были в несколько раз дороже, чем на российской земле, несмотря на то, что в России земля была во много раз плодороднее. Благодаря долгосрочным банковским кредитам, крестьяне выкупали хутора, на которых жили их предки. Продавая лен и картофель, крестьяне выплачивали кредиты. Более 80% земель в Лифляндской губернии (Южная Эстония) были выкуплены крестьянами и более 50% в Эстляндской губернии (Северная Эстония). [10]

Из речи эстонского писателя и публициста Карла Роберта Якобсона, которая была произнесена 6 октября 1868 года, очевидно, что это время отмены крепостного права и барщины полностью подтверждает начало национального самосознания эстонцев: «Кто мог бы опровергнуть то, что это время было порою тьмы для эстонского народа? (.). Коренное население было превращено в крепостных, а те ведь в глазах немцев вообще не были людьми (...). Но тьма не длится вечно, и с востока встала заря, и она возглашает свет ясный. Милость нашего Государя Императора — вот та заря, перед которой не устоит никакая тьма».[11, С. 102]

Второй фактор, который стал важным в процессе национального самосознания — русификация, которая началась в 1880-х годах.[5, р. 289] Царь Александр III начал опасаться влияния балтийских немцев на крестьян на прибалтийских территориях. Его опасения были связаны с тем, чтобы положение балтийских земель в пределах империи не изменились. Он считал, что положение балтийских немцев необходимо менять, чтобы население не было германизировано, так как это может негативно отразиться в нетерпимости к Российской империи.[12, р. 85] Царь предполагал, что положение балтийских крестьян можно изменить благодаря усилению русского присутствия на территории Эстляндии, так же это уменьшило бы националистические настроения крестьян, которые можно было подавить. Необходимо было подавить чувство национальной осведомленности.[13, р. 137] Царь проводил политику поощрения русского языка, культуры, религии и управления, а также желал подавить влияние балтийско-немецкой знати на крестьян. Влияние этих процессов было неоднозначным. В некотором смысле, это было ограничением национального пробуждения, с одной стороны, и влиянием на положение балтийских немцев на этой территории, с другой. Русификация была призвана сократить соци-

альный разрыв между балтийскими немцами и эстонцами, и это, в конце концов, привело бы к тому, что эстонцы могли бы лучше контролировать свою жизнь и будущее территории, на которой они жили.

Однако процесс русификации на территории Эстляндии не помог укротить националистические чувства эстонского народа. Произошло то, что русский язык, далекий по своим основным функциям от эстонского, провалил этот процесс. В это время происходит процесс формирования эстонской идентичности, происходящей от корней финно-угорских языков и культуры. Данная культурная особенность сохранилась до сегодняшнего дня в качестве ключевого маркера «нас» — эстонского народа, против «них» — других. Сначала различие было между эстонцами и балтийскими немцами, после — между эстонцами и русскими.

По словам Смита: «Культурная уникальность также важна для этнической принадлежности. Для этнической группы, язык — важная константа, язык должен быть не только отличительным, но и несвязанным с другими языками или религиозными сообществами, он должен полностью принадлежать этносу».[14, р. 27]

Кемилайнен отмечает: «Язык — один из важнейших факторов национального самосознания».[15, р.8] Язык стал отправной точкой, от которой эстонцы могли различать «нас» и «них», и затем использовать эту идею в качестве основы для самоидентификации. Очевидно, что язык для эстонцев — важная часть для самоопределения, и сохранение своего отличительного языка, противопоставляя ассимиляции в немецкие или русские культурные группы, свидетельствует о силе этого движения.

Уже в середине XIX века в Эстляндии широко издаются и распространяются газеты на эстонском языке. Йоханн Вольдемар Яннсен основал газету «Perno Postimees ehk Näddalileht» («Пярнуский почталъон или Еженедельник») в 1857 году, затем издал газету в городе Тарту (Tartu Postimees).[13 р. 121] Впервые название «эстонцы» было использовано в 1857 году эстонским журналистом, поэтом и лидером эстонского национального движения Йоханном Вольдемаром Яннсенем. Тогда и произошло изменение названия народности из «народа земли» (maarahvas) в «эстонский народ» (eesti rahvas). [10] Он символично повысил статус народа.[16, р. 395] Смит утверждает, что использование коллективного имени для этноса — это важно: В общем, коллективное название этноса является верным знаком и эмблемой этнических общин. Имя вызывает у людей образ отличительности и фантазию, характеризуя людей как участников этого народа. Новый термин И. В. Яннсена “эстонец” служит важным индикатором коллективного сознания людей. Яннсен верил, что публикации на родном языке

дадут гарантию того, что информацию поймет каждый крестьянин. Газета как источник распространения информации среди населения об их истории, культуре и статусе, способствует процессу национального пробуждения.[13, р. 123]

Яннсен, во время национального пробуждения, не заявлял открыто о вызове к балтийским немцам. Он верил, что единственным верным средством обеспечения Эстонии как отдельной нации было сотрудничество с балтийскими немцами против российской политической угрозы.[5, р. 63]

Другая точка зрения — это перспектива славянофилов во главе с Якобом Хертом и Карлом Робертом Якобсоном, которые хотели дистанцироваться от прибалтийских немцев и выражали симпатию к Российской империи.[5, р. 64] Балтийские немцы имели культурный контроль над территорией Эстляндии, однако в политическом смысле у них мало было шансов чего-то достичь. Лидеры этого течения были уверены, что объединение национального движения с российскими лидерами обеспечит большой успех эстонскому национальному движению.[13, р. 125] В 1868 году Якобсон произнес первую речь из «Трех речей Отечества» [16, р. 297], где он последовательно описывал этапы истории эстонского народа, начиная с периода «света», до прибытия немцев, потом период «тьмы», время подчинения немецкому господству и период «рассвета», когда Российская империя освободила эстонцев от крепостного права. Смит замечает важность общей истории народа: «Чувство общей истории объединяет последующие поколения. Каждое поколение имеет свой набор опыта, который добавляется к общему запасу, а также определяет народ со стороны временных последовательностей, которые передают поколениям историзм их собственного опыта».[4, р. 25]

Находясь вокруг своей истории угнетения, Якобсон был первым, кто воплотил в жизнь идею свободы для эстонского народа, дал ему точку, вокруг которой они могли бы объединиться.[17, р. 50] Его идеи были выдвинуты, благодаря публикации в газете «Sakala». Его подход был гораздо более «политически заряженным», чем подход Яннсена.[13, р. 125]

Раскол в позициях и лояльностях к противоположным сторонам был общей объединяющей темой в процессе национального пробуждения и в начале 1990-х годов. Не только публикации в газетах имели значение в национальном пробуждении эстонского народа.

Важным культурным символом эпохи национального пробуждения стал эпос «Калевипоэг», который написал Фридрих Крейцвальд. Это был крупный символический объект, который должен был стать объединяющим про-

изведением для эстонского народа. Изначально, автором идеи был Фридрих Роберт Фельман, но завершил написание эпоса Фридрих Рейнхольд Крейцвальд. Эпос был основан на эстонских народных сказках и народных песнях.[16, p. 294]

Одним из важных влияний эпоса «Калевипоэг» стало то, что он стал отправной точкой в объединении рассеянной группы людей, предоставив им их общую историю. По словам Пейджа: «Эпос сделал много для того, чтобы сфокусировать интерес на общем национальном прошлом. Таким образом, он поспособствовал осознанию общего национального существования».[18, p. 22] Предоставив эстонскому народу текст, где они пережили времена славы и триумфа. Таким образом, эпос помог построить позитивное повествование об идентичности, которое так же выражено в трудах об общем мифе этноса у Смита: «Мифы о происхождении обеспечивает коллективное положение в мире и внутренний устав этноса, который объясняет его происхождение, рост и судьбу».[14, p. 24]

Этнос «Калевипоэг» был основан на финском эпосе «Калевала», но это, не уменьшает его влияние на самосознание эстонского народа, а даже увеличивает его значение. Финская модель национального эпоса показывает, насколько важна была финская культура для эстонцев в этот период. Финны были источником вдохновения для эстонского народа за его способность противостоять Российской империи.[5, p. 56] Это помогло эстонскому народу признать, что у него была общая история как народа и эпос «Калевипоэг» дал надежду на то, что однажды эстонский народ все-таки сможет стать независимым. Помимо издания эпоса «Калевипоэг», важным событием стало проведение Эстонского праздника песни, который впервые прошел в конце 1880-х годов. Йоханн Вольдемар Янсен и его дочь Лидия Койдула планировали провести музыкальный фестиваль в 1869 году на основе фестивалей, которые проходили в Германии и в Финляндии. Фестиваль проводили для того, чтобы объединить людей, которые бы прославляли эстонскую культуру посредством песни.[13, p. 123] Изначально царское правительство не хотело давать разрешение на проведение фестиваля с национальным подтекстом. Тогда Янсен решил приурочить этот фестиваль к 50-летию отмены крепостного права царем Александром. Более 845 участников приняли участие в первом фестивале. Фестиваль прошел в Тарту.

Объединяющая сила праздника песни привела к тому, что фестивали продолжали проводиться и в 1879 и в 1880 годах, и продолжают, и по сей день. Даже в советское время песенные фестивали имени решающее значение в выражении национальных чувств, выступая в качестве объединяющей силы для эстонского народа.

Объединение эстонских крестьян со всей страны способствовало в продвижении идеи о том, что эстонцы теперь могли чувствовать себя как нация. Утверждение Смита о «чувстве солидарности»: «Этнос в моей терминологии — это не просто категория населения с общим именем, мифами о происхождении, историей, культурой и территориальной целостностью. Но также сообщество, с чувством идентичности и солидарности, которое находит институциональное выражение в филантропии».[14, p. 29]

Впервые была организована Высшая народная школа в 1870 году с эстонским языком обучения и просуществовала до 1884 года, благодаря благотворительному сбору денег. Была названа Эстонской Александровской школой, так как была открыта в честь 50-летия реформ Александра II. При школе был организован Главный комитет, который пропагандировал национальную агитацию и занимался организацией культурных мероприятий.

Среди других важных культурных достижений, которые способствовали общему пониманию построения национальной идентичности, стало открытие Эстонской Александровской школы (Eesti Aleksandrikool), Общество эстонской литературы (Eesti Kirjameeste Selts). Эстонская Александровская школа была основана в 1871 году, благодаря серии мероприятий по сбору средств для поддержки первой эстонской средней школы. Многие люди со всей Эстляндии и Лифляндии внесли свой вклад в этот проект, а к середине 1880 — х годов было собрано более 100 000 рублей.[16, p. 394] Общество эстонских литераторов (1872–1893 гг., г. Тарту), также объединило эстонскую интеллигенцию. В обществе занимались развитием литературного языка, сбором фольклорных материалов, а также издавали литературу на эстонском языке.

В основе эстонского национального театра стояло певческо-театральное общество «Vanemuine», созданное в 1865 году. Первое представление прошло в 1870 году.

В момент национального пробуждения или самосознания запустились процессы, которые начали распространяться по всей Эстляндии и Лифляндии. Теперь эти народы превратились в этнос, благодаря публикации эпоса «Калевипоэг», а также созданию праздника песни и популяризации литературы на эстонском языке. Так же важен тот аспект, что языковая близость с финнами по финно-угорской модели формировали идентичность, способствуя эстонцам в поисках своей принадлежности. Это важный период культурно-национального самосознания повлиял и на будущее самоопределение эстонцев как народа.

Расцвет национального самосознания эстонцев пришелся на 1860–1880 года. Акцент был сделан не на политический аспект, а на этническо-лингвистический. В первую очередь, необходимо было разработать национальную культуру и образование.

Эстонский богослов, лингвист и общественный деятель Якоб Хурт говорил о миссии эстонцев, как малочисленного народа, которая может быть выражена исключительно в культуре, но не в политике, важно не политическое самоопределение, а национальное. Он говорил: «Раз мы не можем быть великими силой или числом, мы можем стать великими в культуре».[10]

Эстонская литература и искусство периода национального пробуждения включала в себя романтические настроения, основанные на идеях просвещения, и, культивируя социально однородное общество, которое было в Эстонии до прихода завоевателей с Запада. Патриотические песни и стихи, в основном были адресованы красоте эстонской природы и любви к родине. Многие культурные символы были взяты из фольклора родственного финского народа. Творческая элита раскрывала ту картину, которая была схожа с романтическими настроениями того времени, а именно, представлениями древних

жителей Эстляндии об идеальном мире. Исторические повествования были направлены также на идеализацию «старого времени», того, когда на территории Эстляндии не было завоевателей.

Так же, немаловажную роль в национальном самосознании сыграло возникновение обществ, где люди играли в оркестрах и пели в хорах. За образец была взята немецкая модель обществ, которые в то время были распространены в Эстляндии.

По словам М. Лаара: «В 1880-х годах эстонское национальное движение достигло зрелости. Крестьянский народ, не сумевший до этого четко самоопределиться, превратился в современную и социально дифференцированную европейскую нацию. Национальное пробуждение охватывало все новые народные массы, став поистине всенародным, и этот процесс невозможно было повернуть вспять».[10] Благодаря ослаблению политической элиты балтийских немцев, Российская империя предоставляла широкое поле деятельности для активностей национальных объединений. Национальное движение набирало обороты, что повлекло за собой создание в будущем независимого государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Платон. Тэтет / Платон; пер. с греч. и примеч. В. Серезникова. — М.; Л.: Госиздат, 1936. — 190 с.
2. Гегель, Г. В. Ф. Работы разных лет: в 2 т. Т. 1 / Г. В. Ф. Гегель. — М.: Мысль, 1971. — 672 с.
3. Петрова, Г. Д., Иванов Г. В. Социально-философский анализ национального самосознания / Гуманитарные и педагогически, естественные и технические науки. — 2013. — № 4. — С. 155
4. Smith, Anthony D. National Identity. Reno: University of Nevada Press, 1991. 73 p., 21 p.
5. Raun, Toivo. Estonia and the Estonians. Stanford: Hoover University Press, 2001. 63 p., 288 p.
6. Penikis, Janis J. Mass Receptivity to Nationalist Appeals: Theoretical Considerations in the Cases of Baltic Nationalist Movements. Stockholm: Center for Baltic Studies, 1985. 29 p.
7. Tall, Johannes. Estonian Song Festivals and Nationalism in Music toward the End of the Nineteenth Century. Stockholm: Center for Baltic Studies, 1985. 24 p.
8. Laur, M. Eesti ajalugu. IV, Põhjasõjast pärisõrjuse kaotamiseni / M. Laur, T. Tannberg, H. Piirimäe // Ilmamaa. — 2003. — P. 203–211
9. Hiden, J. The Baltic Nations and Europe: Estonia, Latvia and Lithuania in the 20 Century / J. Hiden, P. Salmon // London: Longman. — 1994. — P. 16
10. Estonica: <http://www.estonica.org/ru/> (дата обращения: 23.07.2019)
11. Хрестоматия по истории Балтийских стран. Таллин, — 2012. — С. 102
12. Hugh, Seton-Watson. Nations and States. London: Methuen, 1977. 85 p.
13. Uustalu, Evald. The History of the Estonian People. London: Boreas Publishing, 1952, 137 p.
14. Smith, Anthony D. The Ethnic Origins of Nations. Oxford: Blackwell Publishers, 1986. 27 p.
15. Kamiläinen, Aira. Nation, Nationality and the Factors of National Consciousness in Modern Europe. Stockholm: Center for Baltic Studies, 1985. 8 p.
16. Raun, Toivo. The Role of Journalism in the Estonian National Awakening. Stockholm: Center for Baltic Studies, 1985. 395 p.
17. Jansen, Ea. On the Economic and Social Determination of the Estonian National Movement. Stockholm: Center for Baltic Studies, 1985. 50 p.
18. Page, Stanley W. The Formation of the Baltic States: A Study of the Effect of Great Power Politics on the Emergence of Lithuania, Latvia and Estonia. New York: Howard Fertig, 1970. 22 p.

© (anton.iwanow@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»